

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ОТКРОВЕНИЯ

Лариса Климова: Мы были такие дураки!

Известная балерина, жена балетмейстера Николая Боярчикова — об изнанке театральной жизни и пути в балет

Айсылу Кадырова

Лариса Климова, представительница знаменитой на весь мир петербургской балетной школы, на пермский конкурс «Арабеск-2016» приехала вместе с мужем — выдающимся балетмейстером Николаем Боярчиковым, который уже не в первый раз входит в жюри конкурса. В Перми многие знают их обоих — в 1970-е годы они работали в Пермском театре оперы и балета: Боярчиков был главным балетмейстером, Климова — ведущей солисткой балетной труппы. Боярчикова можно назвать «автором» «золотого века пермского балета», о котором говорила тогда вся страна. До сих пор балетоманы со стажем ностальгируют по тем временам, когда в Перми на революционные авторские спектакли Боярчикова невозможно было достать билеты.

— Для пермяков «эпоха Боярчикова» до сих пор является эталоном успешного балета. А чем были для вас годы, проведённые в Перми?

— Шесть лет, что мы прожили с Колей в Перми, были очень счастливыми. Всё тогда совпало: труппа балетная была здесь замечательная, атмосфера была очень хорошей. Всем хотелось работать по-новому: и артистам, и Боярчикову. Интересно было, нескучно!

— Вы сразу вдвоём из Ленинграда приехали?

— Втроём мы приехали! Я, Коля и наша собачка Чуша — чёрненький пудель. Помню, тогда в Перми ещё ни одного пуделя не было... Мы приехали жить и работать. Осознанно.

— Что этому предшествовало?

— Всё началось с балета «Три мушкетёра» Вениамина Баснера, который Боярчиков поставил в Ленинградском Малом театре оперы и балета им. Мусоргского.

Это был прекрасный спектакль, он нравился всем — его на ура принимали. Но однажды на балет пришла жена первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Василия Толстикова. Её до глубины души возмутил прелестный эпизод в спектакле: служанки в пышных юбках становились спиной к зрительному залу и наклонялись, а мушкетёры синхронно ставили на их выдающиеся зады кружки. Жена Толстикова кричала: «Безобразие! Это безобразие!» И вот, представьте себе, после этого случая «возмутительный» балет «Три мушкетёра» велели снять с репертуара, а Коле ничего не давали ставить.

Каким-то чудом Боярчикову предложили поставить этих «Трёх мушкетёров» в Перми, и он согласился, конечно же. Здесь спектакль прошёл так удачно, что появилось предложение о постоянной работе. С удовольствием вспоминаю это время: в Перми Коля поставил «Ромео и Джульетту», «Три карты», «Царя Бориса», «Слугу двух господ», «Орфея и Эвридику»... Очень мне нравились эти балеты. Они замечательные! Да здесь всё у нас было замечательным. Квартира у нас была всего лишь в двух остановочных от театра...

— Говорят, потом вы уехали из Перми, потому что Боярчикову предложили возглавить в родном Ленинграде балетную труппу театра им. Кирова (ныне — Мариинский). Как всё было на самом деле?

— Было так. Мы находились на гастролях в Вильнюсе, когда Коле позвонили из Москвы и вызвали в министерство культуры. Он, конечно же, полетел. Звонит мне оттуда: «Лариса, мне предлагают стать главным балетмейстером Кировского театра». Я: «Коленка, ты с ума сошёл?! Не надо! Нам очень хорошо в Перми!..» И Коля отказался.

Тогда главным балетмейстером в Кировском театре поставили Олега Виноградова, а Коле решили доверить Ленинградский Малый оперный театр. От этого предложения отказываться смысла не было: это наш родной театр, мы в нём с Колей познакомились, оба там начинали...

— Почему вы были настроены против Кировского театра?

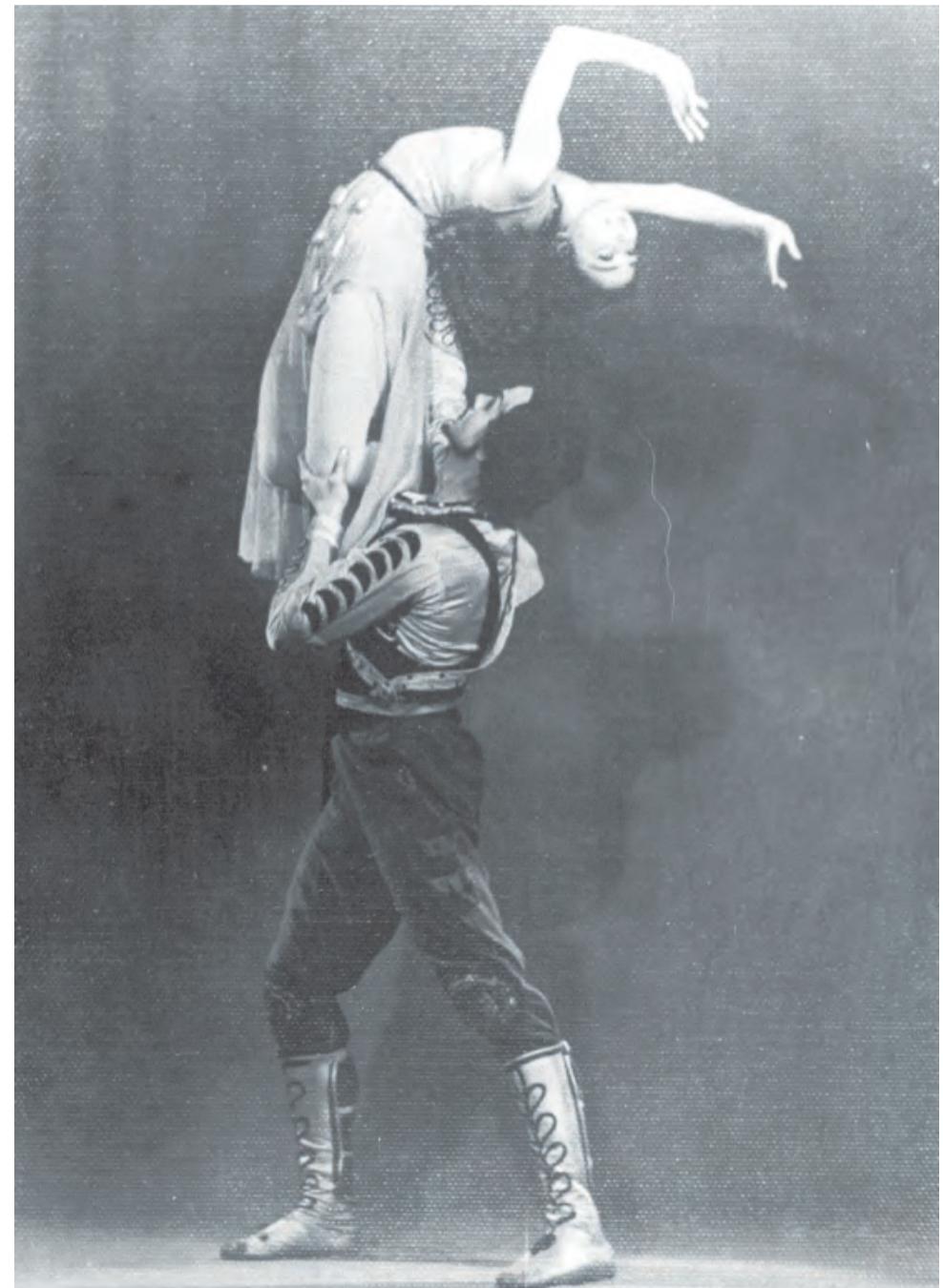
— Потому что в этом «сложносочинённом» театре кого угодно съедят. Боярчиков — мягкий очень человек. Интеллигентный. Не интриган. В таком огромном театре, как Кировский, руководителю нужно быть политиком, а мой Коля — не политик. Он творческий человек.

— Он что, и на репетициях не кричит?

— Нет. Никогда. Это я кричу. Когда с кордебалетом репетируешь, как не кричать?!

— Лариса Борисовна, вы с детства мечтали стать балериной?

— Мама у меня работала всё время, а я болталась во дворе с мальчишками и девчонками. После войны в Ленинграде было много разрушенных зданий, мы по этим трущобам носились. Были у нас во дворе две девочки — с сумочками всегда ходили, ладненькие такие, аккуратненькие. Утром мимо нас чинно проходят, вечером... Мы заинтересовались, поймали их однажды и спрашиваем: куда это вы всё время ходите? Оказалось, они ходят во Дворец культуры им. Горького, занимаются в самодеятельном кружке, где им преподают педагоги из Ленинградского хореографического училища и Кировско-

го театра. Мама Коли, кстати, там уроки вела — Мария Владимировна Боярчикова...

Я тоже решила ходить в хореографическую самодеятельность. Пришла показаться, меня приняли. Вот так я и попала в мир балета — благодаря двум девочкам, которые ни с кем из нашего двора не водились.

— Долго вы занимались в этой самодеятельной студии?

— Довольно долго. Потом я там даже солисткой стала, и меня показали балерине Ольге Иордан, ученице Агриппины Вагановой. Ольга Генриховна несколько раз со мной позанималась и решила взять в свой класс в Ленинградское хореографическое училище. Мне тогда было уже 15 лет. Кстати, чуть раньше меня показывали другой ученице Вагановой — Алле Шелест. Но Шелест не взяла меня в свой класс, сказала, что у меня «суховатые ножки».

— Учиться в классе Иордан было трудно?

— Мне — нет. Когда занимаешься тем, что ты любишь, когда тебе хочется научиться красиво танцевать (а мне очень этого хотелось), то совсем не трудно. На выпускном концерте я танцевала мазурку в «Шопениане» и главную женскую партию в трёхактном балете Георгия Портнова «Дочь снегов», который по роману Тихона Сёмушкина «Алият уходит в горы» поставил Хашим Мустаев.

Помню, художественный руководитель нашего училища Николай Павлович Ивановский предлагал мне остаться и поучиться «ещё годочек». Но мой педагог Ольга Генриховна Иордан была категорически против — говорила, что мне пора в театр. Так в 19 лет я начала танцевать в труппе Ленинградского Малого оперного театра.